ВЪ ВАГОНѢ

Августѣйшаго Главнаго Начальника

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Посвящается памяти незабвеннаго Великаго Князя Константина Константиновича.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова, Лермонтовскій пр., д. 28.
1915.

ВЪ ВАГОНѢ

Августѣйшаго Главнаго Начальника

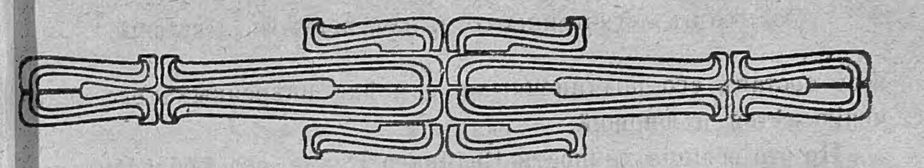
военно-учебныхъ заведеній.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Посвящается памяти незабвеннаго Великаго Князя Константина Константиновича.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. 28.
1915.

Въ вагонѣ августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Посвящается памяти незабвеннаго Великаго Князя Константина Константиновича.

Лѣтомъ 1900 г. я помѣстилъ въ „Развѣдчикѣ" описаніе перваго путешествія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича для осмотра провинціальныхъ военно-учебныхъ заведеній. Статья эта была написана подъ впечатлѣніемъ обаятельной личности Великаго Князя и подъ вліяніемъ свѣтлыхъ надеждъ.

Надежды эти оправдались. Десятилѣтній періодъ пребыванія Великаго Князя главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ знаменательнымъ періодомъ въ исторіи этихъ заведеній. Они были снова поставлены на тотъ историческій путь, на которомъ они находились до преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. И этотъ возвратъ къ историческому прошлому былъ сдѣланъ такъ обдуманно, такъ мудро, что онъ ни въ какомъ отношеніи не умалилъ тѣхъ выгодныхъ сторонъ, какія представляли съ воспитательной точки зрѣнія военныя гимназіи, и, съ другой стороны, нисколько не способствовалъ возврату отжившихъ уже преданій стараго кадетскаго режима.

Въ этихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія, и будущій историкъ военно-учебныхъ заведеній, если только у него будетъ необходимое для историка безпристрастіе, подтвердитъ справедливость этихъ словъ на основаніи фактическихъ данныхъ.

Конечно, пользуясь мертвыми документами, трудно учесть тѣ личныя особенности начальника, которыя привлекали къ нему

весь составъ его подчиненныхъ и всѣхъ ввѣренныхъ его попеченію дѣтей и юношей.

Но это обаяніе личности Великаго Князя, его любвеобильная душа, его высоко просвященный умъ, его опредѣленная, но мягкая и совершенно чуждая всякой мелочности требовательность, его трогательная отзывчивость ко всякимъ нуждамъ, все это живетъ и будетъ жить въ воспоминаніяхъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье быть въ это время подъ его начальствомъ.

Чтобы понять, какъ велико было вліяніе Великаго Князя на настроеніе ввѣренныхъ его попеченію воспитанниковъ, стоитъ только припомнить, что въ мрачный періодъ революціонныхъ волненій военно-учебныя заведенія продолжали жить своею нормальною жизнью и не только остались чисты отъ заразы, но во многихъ случаяхъ дѣятельно ей противостояли.

Я имѣлъ счастье сопровождать августѣйшаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній почти во всѣхъ его поѣздкахъ по корпусамъ и училищамъ.

Я былъ не единственный, сопровождающій Великаго Князя. Постояннымъ его спутникомъ былъ покойный Михаилъ Николаевичъ Драшковскій. Сначала онъ ѣздилъ въ качествѣ адъютанта, потомъ, по производствѣ въ генералы, какъ распорядитель движенія и управляющій хозяйственной частью во время пути.

Непремѣнными спутниками были также лица, послѣдовательно занимавшія адъютантскую должность: Ѳедоръ Александровичъ Риттихъ (нынѣ генералъ-маіоръ и инспекторъ классовъ Пажескаго Е. И. В. корпуса), Николай Николаевичъ Ермолинскій (нынѣ шталмейстеръ двора Великаго Князя) и князь Владиміръ Александровичъ Шаховской.

Великій Князь часто предпринималъ поѣздки. Онъ любилъ военно-учебныя заведенія и питалъ сердечныя чувства къ воспитывавшимся въ нихъ дѣтямъ и юношамъ. Находились люди, съ сомнѣніемъ относившіеся къ этимъ поѣздкамъ. Толковали, будто Великій Князь балуетъ дѣтей, слишкомъ съ ними носится, пріучаетъ ихъ къ свободному отношенію къ представителю высшей власти и умаляетъ значеніе этой власти. Но людямъ рутины, людямъ, погрязшимъ въ застывшихъ начальственныхъ формахъ, трудно было понять человѣка, стоящаго неизмѣримо выше ихъ именно потому, что онъ умѣлъ дѣлать любимое имъ дѣло, не замыкая себя въ узкую рамку сложившихся формъ.

Мы, сопровождавшіе Великаго Князя въ его поѣздкахъ, вспоминаемъ о нихъ съ какимъ-то исключительно теплымъ чувствомъ. Мнѣ приходится убѣждаться въ этомъ всякій разъ, когда у насъ заходитъ разговоръ объ этомъ времени. Эти поѣздки не только знакомили насъ съ военно-учебными заведеніями и открывали намъ ихъ сильныя и слабыя стороны, но онѣ поднимали нашъ духъ. Близость къ человѣку, такъ богато надѣленному духовными дарами, заставляла насъ забывать нашу будничную служебную работу и жизнь, и переносила насъ въ тотъ чудный, почти сказочный міръ идей и чувствъ, которыя такъ умѣетъ пробуждать Великій Князь во всѣхъ близкихъ къ нему людяхъ, способныхъ раскрыть передъ нимъ свою душу.

Я не съумѣю описать этихъ поѣздокъ во всемъ томъ жизненномъ разнообразіи, въ какомъ онѣ представляются теперь въ моемъ воспоминаніи. Говорю это безъ ложной скромности. Можетъ быть для этого требуется больше спокойствія и болѣе безпристрастное отношеніе и къ людямъ и къ вещамъ. У меня этого нѣтъ. Эти воспоминанія меня волнуютъ, и я предпринимаю эту работу, чтобы дать нѣсколько не многимъ извѣстныхъ еще, но достовѣрныхъ фактовъ, для біографіи нашего горячо любимаго бывшаго августѣйшаго главнаго начальника и генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній.

I.

Первый выѣздъ.

Вступивъ въ должность главнаго начальника, Великій Князь въ первые же дни посѣтилъ всѣ петроградскія военно-учебныя заведенія и, не откладывая, назначилъ свой выѣздъ въ Москву, для осмотра московскихъ корпусовъ и училищъ. Наканунѣ назначеннаго дня, одинъ изъ помощниковъ главнаго начальника, генералъ Рудановскій сообщилъ мнѣ, что Великій Князь поручилъ ему спросить меня, могу ли я ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Это была для меня совершенная неожиданность, но радостная, счастливая неожиданность. Разумѣется, я изъявилъ полную готовность ѣхать, и Рудановскій посовѣтовалъ мнѣ самому доложить о томъ Великому Князю.

— „Онъ теперь въ Александровскомъ корпусѣ, надѣвайте мундиръ и отправляйтесь туда. Это будетъ очень кстати“.

Я такъ и сдѣлалъ. Увидѣвъ меня, Великій Князь съ ласковою улыбкой подошелъ ко мнѣ и спросилъ:—„согласны вы ѣхать со мной въ Москву“? На мой горячій утвердительный отвѣтъ онъ еще разъ спросилъ:—„и это васъ нисколько не разстраиваетъ въ вашихъ дѣлахъ? Навѣрное?.. Ну, я очень буду радъ имѣть васъ своимъ спутникомъ“...

Мнѣ некогда было раздумывать, почему Великій Князь беретъ именно меня, а не кого другого. Я весь былъ захваченъ неожиданно выпавшимъ мнѣ счастьемъ быть первымъ человѣкомъ, котораго Великій Князь выбираетъ для облегченія ему знакомства со ввѣренными ему заведеніями.

На другой день вечеромъ, съ чувствомъ понятной тревоги, я прибылъ на вокзалъ за часъ до отхода поѣзда. Тамъ уже былъ и М. Н. Драшковскій, и отъ него узналъ я, что только мы двое ѣдемъ съ Великимъ Княземъ. Благодаря распорядительности Михаила Николаевича, все уже было готово. Вагонъ былъ поданъ къ параднымъ покоямъ; вещи Великаго Князя были сложены въ вагонъ, камердинеръ Великаго Князя былъ при вещахъ, и сразу по нашемъ прибытіи, туда же были сложены и наши вещи. Остававшееся время до прибытія Великаго Князя мы съ Михаиломъ Николаевичемъ перекидывали умомъ, какъ намъ быть въ этомъ новомъ для насъ положеніи. Мы не представляли себѣ, какой порядокъ жизни сложится въ вагонѣ.

Гадали мы также, какъ будетъ относиться къ намъ Великій Князь. Потребуется ли отъ насъ только одно формальное отношеніе къ нему, какъ къ начальнику, или онъ удостоитъ насъ и своими не дѣловыми бесѣдами.

Упоминаю объ этомъ потому, что такіе вопросы были для насъ не праздными вопросами. Обоимъ намъ выпадало первый разъ въ жизни стоять такъ близко къ особѣ императорской фамиліи, и понятно, что оба мы всею душою заботились, чтобы по невѣдѣнію не нарушить какихъ-либо сторонъ этикета.

За 10 минутъ до отхода поѣзда прибылъ Великій Князь и съ нимъ гофмейстеръ его двора, Илья Александровичъ Зеленой. И здѣсь Великій Князь трогательно ласково поздоровался съ нами и познакомилъ насъ съ Ильею Александровичемъ.

Едва успѣли мы перекинуться нѣсколькими словами, какъ раздался второй звонокъ. Великій Князь поцѣловалъ Зеленаго на прощанье, и мы вошли въ вагонъ.

Первыя минуты въ вагонѣ были тихи. Великій Князь вошелъ въ свое отдѣленіе, мы заняли наши купе.

Впослѣдствіи онъ говорилъ намъ, что на первыхъ порахъ ему тоже было неловко. Мы были люди совершенно чужого для него міра, и онъ не зналъ, о чемъ онъ будетъ съ нами говорить и какъ онъ будетъ съ нами обращаться.

Но это было всего нѣсколько минутъ, и скоро, въ тотъ же вечеръ, насъ охватило то настроеніе покоя и удовлетворенія, которое одинъ Великій Князь умѣетъ сообщить окружающимъ его людямъ.

Началось съ того, что камердинеръ Великаго Князя, Миша (Рѣпинъ), сообщилъ мнѣ, что Великій Князь проситъ меня къ себѣ.

Я вошелъ въ небольшое купе-салонъ и засталъ Великаго Князя за чтеніемъ какой-то книги. Передъ нимъ на столѣ лежала цѣлая стопа книгъ и брошюръ такого же размѣра, и мнѣ нетрудно было видѣть, что это полный комплектъ инструкцій, наставленій и распоряженій по военно-учебному вѣдомству. Великій Князь очевидно задался мыслію, на первыхъ же порахъ, основательно съ ними познакомиться. Да, этотъ человѣкъ принимался за дѣло не съ легкимъ сердцемъ. Я слышалъ въ управленіи, что въ день вступленія своего въ должность главнаго начальника, онъ молился въ Петропавловскомъ соборѣ у гробницъ своихъ предковъ и служилъ молебенъ въ домикѣ Петра Великаго. Теперь онъ старательно готовится къ своему дѣлу, и съ жизненной стороны, осматривая заведенія, и со стороны принципіальной, изучая законоположенія и предписанія, лежащія въ основѣ ихъ устройства.

Припоминаю, что книга, которую онъ читалъ съ вниманіемъ, была „Наставленіе для веденія внѣклассныхъ занятій“, редактированное мною въ 1890 г.

Увидѣвъ меня, онъ указалъ мнѣ на кресло и спросилъ:— „вы, я слышалъ, всегда сопровождали генерала Махотина во время его поѣздокъ по военно-учебнымъ заведеніямъ“.

— „Да, я ѣздилъ съ нимъ начиная съ 1894 г. Раньше онъ ѣздилъ обыкновенно одинъ...“

— „Слѣдовательно, вы хорошо знакомы съ личнымъ составомъ чиновъ всѣхъ заведеній и съ разными особенностями каждаго заведенія?“

— „Да, я знаю всѣ заведенія, не только потому, что сопровождалъ бывшаго главнаго начальника; я много разъ былъ командированъ и самостоятельно для ихъ осмотра по всѣмъ частямъ ихъ устройства“.

Высказавъ еще разъ въ самыхъ добрыхъ словахъ свое удовольствіе, что я буду съ нимъ въ Москвѣ, онъ пожалѣлъ, что не догадался раньше и не приглашалъ меня съ собою во время посѣщенія петроградскихъ заведеній.

На мой вопросъ, какъ Его Высочество остался доволенъ петроградскими заведеніями, онъ сказалъ, что вообще они произвели на него самыя выгодныя впечатлѣнія, но что однако, какъ у человѣка новаго, у него неминуемо должны были рождаться вопросы, которые ему хотѣлось бы выяснить для болѣе близкаго знакомства съ заведеніями.

— „Есть такія стороны въ жизни заведеній, добавилъ онъ, которыя не предусмотрѣны никакими положеніями и инструкціями, но которыя, однако, даютъ заведенію извѣстный индивидуальный характеръ“. Указавъ съ большою вѣрностью на нѣкоторыя отличительныя стороны каждаго изъ петроградскихъ заведеній, Великій Князь замѣтилъ, что знакомство съ такими особенностями должно представлять большой интересъ съ воспитательной точки зрѣнія.

Этими словами Великій Князь какъ бы положилъ первое начало той большой работѣ изученія каждаго заведенія во всѣхъ его особенностяхъ, которая занимала его во всѣ годы его управленія военно-учебнымъ вѣдомствомъ. Онъ отдавался ей и какъ начальникъ, и психологъ, и какъ художникъ.

Разговоръ естественно перешелъ къ Инструкціи по воспитательной части кадетскихъ корпусовъ.

Великій Князь сказалъ, что онъ прочелъ ее со всѣмъ вниманіемъ, какого она заслуживаетъ, и цѣнитъ ее въ особенности потому, что въ ней нѣтъ никакихъ категорическихъ предписаній, до которыхъ такіе охотники начальствующія лица, и которыя обыкновенно такъ неудобоисполнимы въ примѣненіи къ живымъ людямъ и къ живому дѣлу. Однако въ Инструкціи для заведеній военно-учебныхъ Великій Князь, по его словамъ, думалъ встрѣтить больше указаній и совѣтовъ, относящихся спеціально къ воспитанію будущихъ офицеровъ. При большой полнотѣ и обдуманности общихъ воспитательныхъ мѣропріятій, она не даетъ однако воспитателю никакихъ руководящихъ указаній относительно тѣхъ мѣръ, которыми онъ могъ бы развить въ своихъ воспитанникахъ любовь къ военной службѣ, уваженіе къ военной доблести, корпоративный духъ, заставляющій военнаго любить свою часть и гордиться принадлежностью къ этой части и пр.

Я доложилъ Великому Князю, что эта Инструкція была составлена первоначально для военныхъ гимназій, которыя по существу не были заведеніями военными, а только состояли въ вѣдѣніи военнаго министерства. Инструкція должна была установить только общепедагогическіе принципы, которыми одними только и жили военныя гимназіи.

Съ переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса, Инструкцію пришлось переработать. Но возвратъ къ кадетскимъ корпусамъ не былъ принятъ въ военно-учебномъ вѣдомствѣ съ большимъ единодушіемъ. Военно-гимназическіе педагоги считали, что такое переименованіе поведетъ военно-учебныя заведенія къ искаженію здравыхъ педагогическихъ принциповъ, и что, слѣдовательно, на сколько это возможно, такую реформу надо проводить съ большой осторожностью.

Такъ думало большинство высшихъ чиновъ военно-учебнаго вѣдомства. Къ такимъ мыслямъ, вопреки настойчивому желанію генерала Ванновскаго, склонился и генералъ Махотинъ. Этотъ взглядъ на военное воспитаніе отразился и на Инструкціи по воспитательной части для кадетскихъ корпусовъ.

— „Но вѣдь теперь прошло уже столько лѣтъ, и взгляды на задачи кадетскихъ корпусовъ должны были принять другое направленіе... Неужели и теперь еще въ военно - учебномъ вѣдомствѣ могутъ находиться люди, считающіе кадетскіе корпуса заведеніями, сдѣлавшими шагъ назадъ по сравненію съ военными гимназіями?“

Я долженъ былъ сказать Великому Князю, что всѣ люди, стоящіе въ данное время на высшихъ ступеняхъ и въ главномъ управленіи и въ заведеніяхъ, служили воспитателями или преподавателями въ періодъ военныхъ гимназій, и что всѣ воспитательныя ихъ воззрѣнія сложились и окрѣпли еще въ то время. Нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ и теперь еще съ опасеніемъ и даже съ недоброжелательствомъ на всѣ тѣ перемѣны, которыя вызваны переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Я привелъ нѣсколько примѣровъ:

Составленное мною „Наставленіе для веденія внѣклассныхъ занятій“ не встрѣтило первое время одобренія ни въ педагогическомъ Комитетѣ Управленія, ни со стороны директоровъ, на томъ основаніи, что регламентація тѣлесныхъ упражненій представлялась имъ какъ бы поощреніемъ принципа грубой силы, которой не мѣсто въ воспитательныхъ заведеніяхъ. Потомъ,—ротные командиры въ кадетскихъ корпусахъ до сихъ поръ еще не получили тѣхъ начальственныхъ и дисциплинар-

ныхъ правъ, которыя должны быть сопряжены съ этой должностью, только потому, что учрежденіе этой должности нарушало военно-гимназическій строй.

Я долженъ былъ добавить къ этимъ примѣрамъ, что среди генераловъ военно-учебнаго вѣдомства есть люди, считающіе себя какъ бы призванными хранить чистые педагогическіе принципы, и которые импонируютъ своими самоувѣренными заключеніями въ педагогическомъ Комитетѣ. Не всякій рѣшается имъ противорѣчить, чтобы не нанести ущерба своей педагогической репутаціи.

Великій Князь слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Неоднократно онъ перебивалъ меня вопросами и замѣчаніями и милостиво сказалъ мнѣ, что я открываю ему невѣдомыя для него стороны въ жизни военно-учебныхъ заведеній. Онъ посмотрѣлъ на часы:—„А знаете ли который часъ? я думалъ; что обезпокою васъ всего на полчаса, на часъ; а теперь уже половина перваго...“

На другой день мы всѣ собрались къ утреннему кофе. Вспоминая нашу вчерашнюю бесѣду, Великій Князь спросилъ у Михаила Николаевича Драшковскаго, въ какомъ корпусѣ онъ воспитывался и въ какое время, и узнавъ, что онъ попалъ въ корпусъ въ переходное время, попросилъ его хоть кратко, нарисовать картинку бывшаго корпуснаго и военно-гимназическаго режима.—„Ахъ, какъ это все любопытно и какъ это для меня ново“,—говорилъ онъ, слушая его воспоминанія.—„Такъ стараго директора любили больше, чѣмъ новаго?“—допрашивалъ онъ.

— „Да, Дмитрій Михайловичъ Павловскій былъ простой и добрый человѣкъ...“

— „А новаго не любили за хитрость?“...

— „Такъ точно, у него были такіе лукавые зеленые глаза...“

На московскомъ вокзалѣ Великаго Князя встрѣтили директоры кадетскихъ корпусовъ и начальники училищъ. Великій Князь привѣтливо познакомился съ ними; поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ въ парадныхъ покояхъ вокзала, намѣтилъ въ общихъ чертахъ порядокъ осмотра, и начались московскіе дни.

Здѣсь, собственно въ Москвѣ началось то, что было позднѣе при осмотрахъ провинціальныхъ заведеній и что описано мною въ 1900 г. Петроградскія заведенія такъ доступны для частыхъ

и неожиданныхъ посѣщеній, что начальствующимъ лицамъ не представляется необходимости посвящать на ихъ осмотры цѣлые дни безъ перерыва. Въ Москвѣ Великій Князь сталъ проводить въ заведеніяхъ цѣлые дни и наблюдать ихъ жизнь во всѣ часы дня. При первомъ знакомствѣ онъ старался поговорить со всѣми чинами заведенія и непремѣнно со всѣми воспитанниками. И здѣсь стали прорываться тѣ взрывы восторга, о которыхъ я говорилъ въ описаніи послѣдующаго путешествія Великаго Князя.

Отмѣчу трогательно-добрый пріемъ, оказанный намъ, двумъ чинамъ, сопровождавшимъ Августрѣйшаго Главнаго Начальника, Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.

Всегдашнее привѣтливое и ласковое его отношеніе ко мнѣ, когда я бывалъ въ Москвѣ, заставляетъ меня съ благодарностью чтить его память, и съ глубокой скорбью вспоминать о мученической его кончинѣ въ смутные дни 1905 г.

Въ день отъѣзда Августѣйшаго Главнаго Начальника изъ Москвы, къ обѣду во дворецъ были приглашены всѣ начальники московскихъ корпусовъ и училищъ. Послѣ обѣда они собрались въ покояхъ, занимаемыхъ Его Высочествомъ Главнымъ Начальникомъ. Великій Князь выразилъ имъ полное свое удовольствіе состояніемъ заведеній. Поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ о ближайшихъ нуждахъ заведенія и отпуская ихъ, онъ произнесъ достопамятныя слова, которыя я слышу еще теперь, когда пишу эти строки:

— „До свиданія, господа. Надѣюсь, мы часто будемъ съ вами видѣться: я всею душою полюбилъ военно-учебныя заведенія и былъ бы глубоко несчастливъ, если бъ ихъ у меня отняли“.

Мы ѣдемъ обратно въ Петроградъ. Настроеніе приподнятое. Великій Князь видимо полонъ новыми впечатлѣніями подробнаго осмотра московскихъ заведеній. Онъ вспоминаетъ о той сердечной радости, какую вызывало его присутствіе въ заведеніяхъ, о восторженномъ настроеніи кадетъ и юнкеровъ, объ ихъ довѣріи къ нему, объ ихъ готовности раскрыть ему всю свою душу. Онъ вспоминаетъ отдѣльные случаи, и это его трогаетъ почти до слезъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова разспрашиваетъ меня о томъ времени, когда главными начальниками военно-учебныхъ заведеній были Особы Императорской Фами-

ліи, о тѣхъ перемѣнахъ, какія потерпѣли эти заведенія при преобразованіи корпусовъ въ гимназіи, и задумывается надъ вопросомъ, что слѣдовало бы сдѣлать, чтобы возвратить кадетскимъ корпусамъ ихъ прежнее патріотическое и военно-подготовительное значеніе.

II.

День въ вагонѣ.

Съ тяжелымъ грохотомъ мчится длинный поѣздъ. По сторонамъ дороги гигантскимъ вѣеромъ то развертываются, то убѣгаютъ широкія панорамы полей и лѣсовъ, городовъ и селъ, рѣкъ и озеръ, овраговъ и долинъ...

Въ концѣ поѣзда вагонъ Великаго Князя. По внѣшности онъ такой же вагонъ, какъ и другіе; но въ немъ идетъ самостоятельная жизнь, обособленная отъ коллективной жизни поѣзда. Мы остаемся въ вагонѣ по цѣлымъ днямъ, иногда по нѣсколько дней, и у насъ складывается свой порядокъ жизни, удобный и пріятный для всѣхъ, въ которомъ дѣло правильно чередуется съ отдыхомъ и часами свободной бесѣды, успокоительной какъ отдыхъ и поучительной какъ серьезное дѣло.

Къ 8-ми часамъ мы сходимся въ купе-салонъ къ утреннему кофе. Выходитъ Великій Князь съ привѣтливой бодрящей улыбкой, здоровается съ нами и находитъ для каждаго изъ насъ свое особенное слово.

За кофе Великій Князь обыкновенно возвращается къ впечатлѣніямъ прошлаго дня. Онъ провѣряетъ ихъ въ общей бесѣдѣ, и разговоръ оживляется. У Великаго Князя много добраго, изящнаго юмора, и онъ умѣетъ затронуть каждаго за его живую жилку. Михаилу Николаевичу достается за его горячій нравъ; перепадаетъ и мнѣ за мою, будто бы, „язвительность“.

Такъ начинается нашъ путевой день: бодро, съ подъемомъ. Послѣ кофе Великій Князь тутъ же вмѣстѣ съ нами разсматриваетъ пакеты, получаемые имъ въ пути, изъ разныхъ подчиненныхъ ему вѣдомствъ. Обыкновенно онъ самъ ихъ раскрываетъ, бѣгло просматриваетъ бумаги и откладываетъ такія, которыя требуютъ основательнаго знакомства съ ними. Послѣ этого адъютантъ испрашиваетъ его распоряженія на текущій день и докладываетъ ему разныя прошенія, подаваемыя въ пути.

Окончивъ дѣла, Великій Князь раскрываетъ „Новое Время" и самъ читаетъ намъ вслухъ или передаетъ для прочтенія адъютанту интересныя сообщенія и статьи.

Если около этого времени случается продолжительная остановка поѣзда, то всѣ мы выходимъ изъ вагона, и Великій Князь дѣлаетъ прогулку большими и быстрыми шагами вдоль всей платформы, а иногда и много дальше. Со всѣми попадающимися нижними чинами онъ здоровается. Иногда во время такихъ прогулокъ онъ встрѣчаетъ молодыхъ офицеровъ, бывшихъ кадетъ и юнкеровъ, и, при его громадной памяти на лица, узнаетъ ихъ съ величайшею радостью и непремѣнно съ чарующей ласковостью разспрашиваетъ ихъ объ службѣ и объ ихъ семейномъ положеніи.

Если нѣтъ остановки поѣзда именно около этого времени, то всѣ мы прерываемъ наши дѣла и во всякое другое время, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Между 10 и 11 часами Великій Князь уходитъ къ себѣ для работы.

Здѣсь я долженъ сказать объ удивительномъ умѣньи Великаго Князя пользоваться своимъ временемъ и о чрезвычайной его работоспособности. Въ пути у него всегда были опредѣленные часы для работы, и я замѣчалъ, что, разъ принявшись за работу, онъ уже сосредоточивалъ на ней все свое вниманіе. Все другое отходило отъ него въ сторону. Это дано не всякому, но оттого-то онъ, даже въ дорогѣ, успѣвалъ дѣлать обыкновенно очень много, и работа у него спорилась не хуже, какъ и въ спокойные домашніе часы. Въ вагонѣ онъ написалъ много чудныхъ стиховъ для своей Ифигеніи; въ вагонѣ онъ набрасывалъ сцены для Царя Іудейскаго... Въ вагонѣ онъ успѣвалъ прочитывать цѣлые томы серьезныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія для своихъ библіографическихъ статей, не говоря уже объ объемистыхъ бумагахъ и дѣлахъ, присылаемыхъ ему изъ разныхъ вѣдомствъ.

До обѣда Великій Князь занимался по большей части служебными дѣлами, и этихъ дѣлъ бывало не мало, даже и въ дорогѣ.

Надо сказать, что со времени вступленія своего въ должность главнаго начальника, онъ поставилъ себѣ правиломъ прочитывать всѣ журналы педагогическихъ комитетовъ кадетскихъ корпусовъ, и читалъ онъ ихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ могли читать его помощники и другіе чины главнаго управленія. Уже послѣ первыхъ своихъ поѣздокъ онъ сталъ помнить очень

много кадетъ и въ лицо и по фамиліямъ во всѣхъ корпусахъ, и понятно, что, встрѣчая знакомое имя въ журналѣ, онъ живо представлялъ себѣ всѣ тѣ обстоятельства, по поводу которыхъ упоминалось это имя въ хорошую или въ дурную сторону. При чтеніи онъ дѣлалъ много отмѣтокъ и замѣчаній, которыя сообщались заведеніямъ.

Отправляясь въ путешествіе, онъ бралъ съ собою послѣдніе журналы комитетовъ тѣхъ корпусовъ, которые предполагалъ посѣтить. Если въ этихъ журналахъ были сужденія по какимъ-либо выдающимся случаямъ, то онъ предлагалъ намъ прочесть эти журналы, чтобы быть освѣдомленными о положеніи дѣлъ въ заведеніи.

Кромѣ того, во время поѣздокъ ему присылались изъ главнаго управленія бумаги, требующія безотлагательной резолюціи или своевременнаго знакомства съ ними. Эти бумаги тоже отнимали у него довольно времени.

Покончивъ съ дѣлами, онъ раскрывалъ свой дневникъ и заносилъ въ него то, чего не успѣвалъ записывать въ дни осмотра заведеній. Онъ такъ привыкъ правильно вести ежедневныя записи, что иногда со вздохомъ говоримъ намъ о пропущенныхъ имъ въ дневникѣ числахъ.

Если оставалось время, онъ бралъ книгу и углублялся въ чтеніе.

Отмѣчу маленькую особенность: прочитавъ интересную книгу, Великій Князь давалъ ее иногда мнѣ для прочтенія, и я обыкновенно видѣлъ на заглавномъ листѣ аккуратную надпись карандашомъ: начато тамъ-то, тогда-то; на послѣдней страницѣ стояла дата и мѣсто окончанія чтенія; иногда и въ серединѣ книги попадались отмѣтки съ обозначеніемъ, гдѣ и когда читалась такая-то глава или такая-то часть.

Эта незначительная особенность представлялась мнѣ всегда очень характернымъ указаніемъ того сердечнаго интереса, съ какимъ Великій Князь относится къ книгѣ. Раскрывъ такую книгу, не только припоминаешь ея содержаніе, но и переживаешь тѣ впечатлѣнія, при которыхъ было воспринято это содержаніе.

Обѣдаемъ мы обыкновенно около часа пополудни, съ нами ѣдетъ поваръ Великаго Князя, и Михаилъ Николаевичъ завѣдуетъ всею нашею продовольственною частью.

Случается, что въ поѣздѣ есть лица, желающія представиться Великому Князю или почему-либо ему знакомыя: они обыкновенно приглашаются къ обѣду. Иногда это совсѣмъ моло-

дой офицеръ или кадетъ, котораго Великій Князь узналъ и сразу назвалъ по фамиліи, гуляя во время остановки. Съ этой молодежью во время обѣда, Великій Князь по обыкновенію трогательно ласковъ. Кадета онъ сажаетъ около себя, и тотъ разсказываетъ ему и о своей семьѣ, и о своихъ товарищахъ, и о томъ, какъ ему живется въ корпусѣ.

— „Такъ ты воспитателя своего любишь?" спрашиваетъ Великій Князь.

— „Люблю", отвѣчаетъ разговорившійся кадетъ.—„Его всѣ у насъ любятъ. Его такъ и называютъ: дядя Миша"...

„Въ лицо?"

— „Никакъ нѣтъ",—говоритъ онъ, нѣсколько смутившись.— „А кто и въ лицо"... процѣживаетъ онъ, чтобы быть правдивымъ.

Великій Князь доволенъ. Его трогаетъ наивность мальчика и онъ, поцѣловавъ его, отпускаетъ въ его вагонъ... Но вотъ, въ такомъ-то корпусѣ онъ встрѣчаетъ подполковника такого-то.—„Такъ это вы, дядя Миша"?—весело говоритъ онъ ему.— „Душевно радъ, что познакомился съ вами лично, и дай вамъ Богъ всегда оставаться дядей Мишей для вашихъ кадетъ".

Послѣ обѣда, Великій Князь проводитъ нѣкоторое время въ нашемъ обществѣ. У насъ есть тема для разговора: дядя Миша. Великій Князь удивляется не только чуткости дѣтей, но и умѣнью ихъ дать кличку...

Если предыдущій день былъ утомителенъ, если наканунѣ намъ поздно пришлось лечь спать, то Великій Князь отдыхалъ часъ или полтора и потомъ снова садился за работу.

Кажется, я не ошибусь, если скажу, что эти часы были въ особенности часами его литературной и творческой работы. Онъ сидѣлъ у себя въ купе, видимо весь отдавшись дѣлу. Мы его не видимъ и не слышимъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Послѣ чая въ 6-мъ часу, Великій Князь остается обыкновенно въ нашемъ обществѣ на весь вечеръ. Это наша рекреація. Широкій кругозоръ Великаго Князя, его тонкое пониманіе вещей и людей, его поэтическое чувство дѣлаютъ его бесѣду не только увлекательной, но, какъ я уже сказалъ, поучительной, въ настоящемъ значеніи слова. Переживая эти бесѣды въ моей памяти, я долженъ искренно сказать, что онѣ внесли въ мое душевное содержаніе много такого, чего тамъ прежде не было. И надо замѣтить, что въ этихъ бесѣдахъ не было никогда ничего намѣренно учительнаго, это были обыкновенные случайные разговоры, въ которыхъ каждый изъ насъ могъ

безъ стѣсненія высказывать свои мысли, выражать свои сомнѣнія, задавать свои вопросы...

Однимъ изъ главныхъ предметовъ разговора были, конечно, военно-учебныя заведенія, но иногда мы уходили совсѣмъ въ другія области. Великій Князь много говорилъ съ нами о разнообразныхъ явленіяхъ общественной жизни во всѣхъ ея сферахъ. Разговоръ пріобрѣталъ особенный интересъ, когда кто-нибудь изъ насъ затрагивалъ вопросы литературы, музыки, изящныхъ искусствъ. Великій Князь былъ полнымъ хозяиномъ въ этихъ вопросахъ, и намъ приходилось слышать отъ него много такого, что давало намъ новую точку зрѣнія даже на знакомыя намъ произведенія. Припоминаю, что, благодаря ему, я настоящимъ образомъ оцѣнилъ Пьера Лоти и Эдмонда Ростана; что онъ указалъ мнѣ на переписку баронессы Раденъ съ Самаринымъ, на Татевскій Сборникъ.

Мнѣ представляется, что если бы мы записывали все то, о чемъ мы говорили такими вечерами съ Великимъ Княземъ, то вышла бы очень богатая по содержанію и очень интересная книга.

Иногда мы читали вслухъ. Но читалъ вслухъ и самъ Великій Князь. Не могу забыть тѣхъ вечеровъ, когда онъ читалъ намъ стихотворенія Алексѣя Толстого или La Princesse Lointaine, Ростана.

При его удивительно вѣрной интонаціи, драматическія вещи выходили художественно хорошо.

Но длинными вечерами, въ зимнія поѣздки, мы предавались иногда и бездѣлью. Какъ-то въ многодневное пребываніе въ вагонѣ, подало кому-то изъ насъ мысль устроить партію въ винтъ. Играли, конечно, не на деньги, и играли всего раза два, три; мы какъ-то перестали о немъ вспоминать, потому что онъ все-таки лишаетъ человѣка свободы.

Но вотъ случилось, что собралось нѣсколько любителей пасьянса. И вотъ пасьянсы пріобрѣли право гражданства въ расписаніи нашего дня. Великій Князь раскладывалъ ихъ главнымъ образомъ послѣ обѣда или ужина, не переставая разговаривать съ нами, или слушая наше чтеніе.

Эта вечерняя бесѣда затягивается иногда довольно долго. Но около 12-ти часовъ Великій Князь всегда уже прощается съ нами и уходитъ къ себѣ. Это не значитъ, однако, что онъ сейчасъ же ложится въ постель. У него на письменномъ столѣ лежитъ его дневникъ и на немъ Евангеліе. Кромѣ того онъ въ это время пишетъ и письма.

Поговоривъ еще другъ съ другомъ, послѣ ухода Великаго Князя съ полчаса, мы идемъ спать; а у него все еще горитъ огонь, и онъ сидитъ углубленный въ письмо или чтеніе...

Темная ночь спустилась на землю. Длинный поѣздъ съ грохотомъ мчится впередъ... У насъ въ вагонѣ все спокойно. Всѣ спятъ. Нашъ дорожный день конченъ.

III.

Отзвуки большой работы.

Великій Князь часто удостоивалъ насъ разговорами о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ всею душою любилъ заведенія, и мысли его часто обращались къ этому предмету.

Въ первое время его озабочивали вопросы о подъемѣ военнаго и патріотическаго воспитанія. Потомъ планы его постепенно расширялись, и у него создавалась цѣлостная система воспитанія будущихъ офицеровъ русской арміи.

Мы были счастливыми свидѣтелями, какъ эти мысли зарождались, зрѣли и приводились въ исполненіе.

Великій Князь часто обращался къ намъ за свѣдѣніями и справками по разнымъ занимавшимъ его вопросамъ. Мы были воспитанниками различныхъ эпохъ и разныхъ заведеній, и, по мѣрѣ нашего умѣнья, рисовали ему положеніе дѣлъ въ наше время.

Съ живымъ интересомъ слушалъ онъ наши разсказы, и мы чувствовали, какъ умѣлъ онъ оцѣнить все то хорошее, что было въ военно-учебныхъ заведеніяхъ въ разное время.

Описывая нашу жизнь въ вагонѣ, я остановлюсь только на тѣхъ сторонахъ дѣятельности августѣйшаго главнаго начальника, которыя были связаны съ его путешествіями и осмотрами военно-учебныхъ заведеній.

Въ описаніи перваго путешествія Великаго Князя мнѣ приходилось уже говорить о впечатлѣніяхъ, вызванныхъ въ немъ различными сторонами устройства военно-учебныхъ заведеній. Здѣсь мнѣ по необходимости надо будетъ повторить иногда то, что было мною записано уже раньше; но тамъ я говорилъ только о замыслѣ, здѣсь я буду говорить объ исполненіи.

Въ первыя наши поѣздки, Великій Князь говорилъ намъ, что онъ всегда съ особеннымъ чувствомъ смотритъ на старыя знамена кадетскихъ корпусовъ, хранящіяся въ корпусныхъ храмахъ. Теперь кадетскіе корпуса кажутся ему обездоленными. Вѣдь знамя—символъ единенія, товарищества, корпоративнаго духа. Вѣдь это былъ предметъ привязанности питомцевъ прежнихъ корпусовъ. Онъ слышалъ, что многіе, выходя изъ корпуса, отрывали себѣ кусочекъ корпуснаго знамени и свято хранили его всю свою жизнь. Зачѣмъ же теперь это старое знамя стоитъ какъ нѣчто ненужное, не имѣющее больше того благодѣтельнаго значенія, какое оно имѣло въ прежніе годы?..

Мы говорили на это, что военныя гимназіи не имѣли строевой организаціи и не были даже въ сущности заведеніями военными...

— „Да,—замѣчалъ на это Великій Князь,—но вѣдь теперь кадетскіе корпуса заведенія военныя и организація у нихъ строевая. Правда, ружья присвоены одной только первой ротѣ, но вѣдь чувство военнаго единенія и военной доблести должно заботливо прививаться всѣмъ воспитанникамъ заведенія. Знамя и теперь будетъ такимъ же символомъ единенія заведенія, такою же святынею, какою оно было и прежде, и я глубоко убѣжденъ, что дарованіе корпусу знамени способно возвысить весь нравственно-воспитательный строй заведеній“.

И вотъ, то, чего не рѣшались сдѣлать до тѣхъ поръ, чтобы не слишкомъ рѣшительно переходить къ военнымъ порядкамъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, было сдѣлано. Кадетскимъ корпусамъ были дарованы знамена.

Я имѣлъ счастье находиться при Великомъ Князѣ во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ, которымъ онъ передавалъ Высочайше пожалованныя знамена. И какая это была всегда чудная церемонія прибивки и освященія знамени! Какъ Великій Князь умѣлъ придать ей торжественность и возвысить ея значеніе!

Были и другіе вопросы, которые рождались у августѣйшаго главнаго начальника по мѣрѣ его знакомства съ военно-учебными заведеніями. Какъ я сказалъ уже въ описаніи перваго его путешествія, онъ обратилъ вниманіе на мраморныя доски съ именами кадетъ, ставшихъ первыми по успѣхамъ, при выпускѣ въ офицеры.

Въ кадетскихъ корпусахъ, записи на этихъ доскахъ не шли дальше 1862 года.—„Почему же,—спрашиваетъ онъ,—тогда считалось нужнымъ такое отличіе, и почему теперь оно считается не нужнымъ? Отчего у кадетъ всегда передъ глазами

имена счастливцевъ, учившихся въ корпусѣ до реформы корпусовъ, и почему такъ несправедливо оставлены безъ всякаго вниманія учившіеся позже?"

Я докладывалъ Великому Князю, что педагогическіе принципы военныхъ гимназій не допускали никакихъ поощрительныхъ мѣръ: мальчикъ долженъ былъ учиться не изъ желанія награды, а по внутреннему сознанію въ необходимости ученья.

Великій Князь возражалъ мнѣ, что этотъ принципъ проводился непослѣдовательно: не было поощреній, однако были наказанія, и, въ сущности, не обходилось и безъ поощренія: что такое баллы за поведеніе и даже баллы за успѣхи, какъ не совокупность карательныхъ и поощрительныхъ мѣръ. Если допускалось вывѣшиваніе списковъ съ баллами и съ распредѣленіемъ воспитанниковъ по старшинству, то почему же были упразднены мраморныя доски?

— „Можетъ быть,—замѣтилъ я,—тутъ имѣлось въ виду и то обстоятельство, что воспитанники оканчиваютъ курсъ не въ корпусахъ, а въ училищахъ. Тамъ мраморныя доски ведутся непрерывно, какъ продолженіе тѣхъ досокъ, которыя были прежде въ корпусахъ".

Эта причина, по мнѣнію Великаго Князя, тоже не имѣла серьезнаго основанія. Былъ длинный періодъ, когда провинціальные корпуса имѣли только общіе классы и отправляли своихъ кадетъ въ спеціальные классы дворянскаго полка. Это то же самое, что теперешнее отправленіе кадетъ въ военныя училища. Однако, оканчивавшіе первыми въ дворянскомъ полку записывались на мраморную доску, не только въ этомъ заведеніи, но и непремѣнно въ своемъ родномъ корпусѣ. Мраморная доска, по убѣжденію Великаго Князя, есть памятникъ лучшимъ воспитанникамъ заведенія за все время его существованія, это почетная страница въ исторіи заведенія, и, съ этой точки зрѣнія, она ни въ какомъ отношеніи не можетъ идти въ разрѣзъ ни съ какими педагогическими принципами.

Эту свою мысль августѣйшій главный начальникъ тоже привелъ въ исполненіе въ первые годы по вступленіи своемъ въ должность. Останавливаясь потомъ передъ рядомъ мраморныхъ досокъ, онъ не разъ говорилъ мнѣ, что теперь установлена болѣе твердая преемственная связь между прежними корпусами и теперешними.

Эта преемственная связь стала еще тверже и еще нагляднѣе, съ дарованіемъ военно-учебнымъ заведеніямъ ихъ прежняго герба на пуговицахъ, на поясныхъ бляхахъ и на головныхъ

уборахъ. Этотъ гербъ, — двуглавый орелъ въ сіяніи,—былъ прежде отличительнымъ знакомъ военно-учебнаго вѣдомства. Съ переименованіемъ корпусовъ въ гимназіи онъ былъ упраздненъ, какъ и все, что напоминало прежніе корпуса. Теперь этотъ чудесный прежній гербъ возвращенъ заведеніямъ, и я имѣю счастье носить на моемъ теперешнемъ киверѣ то самое сіяніе, которое носилъ еще маленькимъ кадетомъ на каскѣ въ Петровскомъ-Полтавскомъ корпусѣ.

Великій Князь очень заботился также объ укрѣпленіи въ каждомъ заведеніи его историческихъ воспоминаній. Въ заведеніяхъ вновь основываемыхъ онъ старался положить какъ бы первый камень для ихъ исторіи. Онъ исходатайствовалъ многимъ заведеніямъ Высочайшее соизволеніе на присоединеніе къ своимъ наименованіямъ именъ Государей, особъ Императорской фамиліи или достопамятныхъ русскихъ людей, съ воспоминаніями о которыхъ связано существованіе заведенія. Вмѣстѣ съ почетными наименованіями нѣкоторыя заведенія получили также историческіе шифры на погонахъ.

Преемственности воспоминаній способствуютъ, въ особенности, заботливо составленные историческіе музеи. Великій Князь очень поощрялъ образованіе музеевъ въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ.

— „Меня удивляетъ,—говорилъ онъ въ первые годы своей дѣятельности,—что кромѣ Николаевскаго училища и Пажескаго корпуса, я нигдѣ не вижу никакой заботы о сохраненіи историческаго прошлаго въ заведеніи“...

Я высказалъ Великому Князю мою мысль, что военная гимназія, по существу своихъ педагогическихъ принциповъ, не могла имѣть заботы о сохраненіи своихъ историческихъ воспоминаній. Педагогическое дѣло, которое дѣлали тогдашніе люди, было по ихъ убѣжденію такъ логично построено, что не могло и не должно было претерпѣвать какихъ-либо измѣненій. Оно должно было идти сегодня, какъ завтра. Конечно, во всякомъ дѣлѣ бываютъ колебанія и въ дурную и въ хорошую сторону, но для людей того времени такая нестойкость не могла считаться достойной какого-либо увѣковѣченія. Потомъ, разъ убраны мраморныя доски, не могло быть никакого разговора о сохраненіи какихъ-либо воспоминаній о бывшихъ питомцахъ. Остались только черныя мраморныя доски въ храмахъ: по патріотическому своему значенію онѣ были неприкосновенны.

— „Съ тогдашней точки зрѣнія,—продолжалъ я,—въ музей военной гимназіи нечего было бы помѣстить другого, какъ

только развѣ средній баллъ средняго кадета, за средній періодъ времени"...

— „Я можетъ быть сгущаю краски, но я имѣю на это основаніе. Исторія заведенія была не въ почетѣ: когда стали подходить юбилейные годы провинціальныхъ корпусовъ, то попытки внести въ историческій очеркъ заведенія какія-либо характерныя бытовыя черты рѣшительно не поощрялись управленіемъ. Такіе очерки сокращались, передѣлывались и сводились только къ нѣсколькимъ датамъ: тогда-то былъ назначенъ такой-то директоръ, тогда-то состоялся такой-то приказъ... Потомъ списокъ чиновъ и кадетъ... и тутъ все".

— „Въ словахъ вашихъ дѣйствительно есть преувеличеніе,—говорилъ мнѣ Великій Князь,—но по существу вы правы. Наши заведенія вообще не имѣютъ той индивидуальности, которая слагается годами самобытной жизни; если же въ нѣкоторыхъ корпусахъ и можно замѣтить нѣчто подобное, какъ напримѣръ въ Полоцкомъ, въ 1-мъ Московскомъ, то это обыкновенно пережитки стараго времени, товарищеская сплоченность старыхъ кадетъ, всегда почти ослабѣвавшая за періодъ военныхъ гимназій"...

Эти мысли Великаго Князя о закрѣпленіи историческаго прошлаго заведеній были восприняты во многихъ кадетскихъ корпусахъ. Въ большинствѣ заведеній было положено основаніе историческихъ музеевъ, и въ нѣкоторыхъ корпусахъ эти музеи заключаютъ въ себѣ въ настоящее время очень рѣдкія и цѣнныя собранія, возстановляющія жизнь заведенія за длинный періодъ его существованія. Таковы въ особенности музеи 1-го Московскаго и 1-го кадетскихъ корпусовъ.

Эта забота о закрѣпленіи историческихъ воспоминаній въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи имѣетъ, разумѣется, очень большое значеніе. Она заставляетъ воспитанниковъ гордиться своимъ заведеніемъ и любить его, какъ памятникъ родного прошлаго.

Мнѣ приходилось говорить уже раньше, что Великій Князь обратилъ вниманіе на слишкомъ однообразный воспитательный режимъ для кадетъ разныхъ возрастовъ. Ни въ Инструкціи по воспитательной части, ни на практикѣ не было установлено никакого различія въ требованіяхъ и въ степени оказываемаго имъ довѣрія между маленькими кадетами и юношами, оканчивающими корпусный курсъ.

Для закрытаго заведенія это вопросъ трудный. Регламентировать его почти невозможно. Великій Князь говорилъ объ этомъ съ директорами и въ педагогическихъ комитетахъ заведеній.

Не всѣ директоры были одинаково отзывчивы къ этой мысли. Люди, помнившіе военно-гимназическій режимъ, считали, что предоставленіе воспитаннику большей или меньшей самостоятельности и оказаніе ему довѣрія опредѣляется не возрастомъ,— а личными свойствами воспитанника, и зависитъ отъ усмотрѣнія воспитателя. Другіе, сочувственно отозвавшіеся на эту мысль, не всегда умѣли примѣнить ее на дѣлѣ. Въ одномъ корпусѣ случилось, что директоръ предложилъ воспитателямъ не приходить на вечернія занятія кадетъ VII класса, чтобы не мѣшать ихъ самостоятельной работѣ. Надо было объяснять, что дать самостоятельность вовсе не значитъ освободить юношу отъ всякаго воспитательнаго руководства...

Дѣло однако понемногу наладилось. Въ режимѣ старшихъ ротъ уменьшилось число такихъ мелочныхъ требованій и запрещеній, которыя имѣютъ свое мѣсто въ младшихъ ротахъ, но являются ненужнымъ стѣсненіемъ для юношей. Порядокъ отъ этого не пострадалъ, а утвердился. Случаи массоваго неудовольствія отошли въ преданіе.

Въ связи съ вопросомъ о предоставленіи самостоятельности кадетамъ старшихъ классовъ, Великій Князь лелѣялъ мысль о томъ, что лучшіе кадеты выпускного класса могли бы оказывать большую помощь воспитателямъ младшихъ ротъ, находясь возможно чаще при маленькихъ кадетахъ и исполняя по отношенію къ нимъ обязанность старшихъ. Были директоры, опасавшіеся этой мѣры. По ихъ мнѣнію, присутствіе старшаго кадета нарушаетъ цѣлость воспитательскаго вліянія; кромѣ того они ссылались и на не всегда удававшуюся мѣру назначенія старшихъ въ прежнихъ корпусахъ.

Но въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ эта мысль была приведена въ исполненіе и, судя по періодическимъ донесеніямъ, дала очень утѣшительные результаты.

Къ сожалѣнію, это нововведеніе не получило той устойчивости, какой оно заслуживаетъ. Причина въ томъ, что, отдавая свое время маленькимъ товарищамъ, старшіе кадеты не успѣвали готовить своихъ учебныхъ работъ и принимать участіе во всѣхъ обязательныхъ занятіяхъ, положенныхъ для старшей роты.

Получая донесенія о работѣ старшихъ кадетъ, Великій Князь съ умиленіемъ передавалъ намъ о разныхъ случаяхъ благодѣтельнаго вліянія старшаго товарища на маленькихъ кадетъ. Но онъ не настаивалъ на укрѣпленіи этой мѣры, такъ какъ она, по его словамъ, можетъ принести хорошіе плоды, только при полномъ сочувствіи къ ней всѣхъ чиновъ заведенія.

Заботясь о приданіи кадетскимъ корпусамъ характера заведеній военно-подготовительныхъ, Великій Князь естественно долженъ былъ обратить вниманіе на организацію въ нихъ воспитательной части.

Въ военныхъ гимназіяхъ эта организація была очень проста. Во главѣ заведенія находился директоръ, и подъ непосредственнымъ его начальствомъ стояло 15—20 воспитателей, завѣдующихъ классными отдѣленіями. Классы группировались по возрастамъ, которыхъ въ гимназіи было обыкновенно три; но возрастомъ, какъ самостоятельною единицею, никто не вѣдалъ.

При преобразованіи гимназій въ корпуса, возрасты были переименованы въ роты, и учреждена должность ротнаго командира.

Я докладывалъ Великому Князю еще въ первую поѣздку съ нимъ о неопредѣленной постановкѣ этой должности. Не имѣя никакихъ начальственныхъ и дисциплинарныхъ правъ, ротный командиръ не могъ быть руководителемъ воспитателей своей роты, особенно если директоръ смотрѣлъ на учрежденіе должности ротнаго командира, какъ на помѣху правильному ходу воспитанія. А такіе директора были. Разсказывали, что одинъ изъ нихъ, на вопросъ новаго ротнаго командира, въ чемъ будутъ состоять его обязанности, отвѣтилъ:—„въ томъ, чтобы вы какъ можно рѣже показывались въ вашей ротѣ".

Великій Князь находилъ это невѣроятнымъ.

Я доложилъ ему, что это могло быть...

— „Но вѣдь ротный командиръ,—отвѣтилъ мнѣ Великій Князь,—выбирается изъ опытнѣйшихъ и способнѣйшихъ воспитателей; чѣмъ же онъ можетъ мѣшать директору въ выполненіи его педагогическихъ мѣропріятій? Для директора онъ опытный помощникъ, а для воспитателя онъ долженъ быть не только руководителемъ, но и начальникомъ".

Вопросъ о постановкѣ ротнаго командира въ правильныя начальственныя и дисциплинарныя отношенія къ воспитателямъ

своей роты былъ поставленъ Великимъ Княземъ на обсужденіе педагогическаго комитета главнаго управленія. Были и при этомъ обсужденіи мнѣнія о безполезности ротнаго командира, но большинствомъ голосовъ вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. И это оказалось выгоднымъ въ томъ отношеніи, что многолюдный интернатъ, съ большою разницею въ возрастѣ воспитанниковъ, какъ бы раздѣлился на три или на четыре интерната, каждый для опредѣленнаго возраста, подъ начальствомъ своего ротнаго командира и подъ верховнымъ главенствомъ директора.

Будущему историку придется упомянуть о многихъ мѣропріятіяхъ, вызванныхъ однимъ и тѣмъ же ясно понимаемымъ стремленіемъ повысить воспитательное и учебное дѣло въ кадетскихъ корпусахъ и училищахъ и дать военно-учебнымъ заведеніямъ тотъ военно-воспитательный характеръ, который они должны имѣть по самому своему назначенію.

Онъ разскажетъ о переработкѣ учебныхъ программъ для военныхъ училищъ и для кадетскихъ корпусовъ; о съѣздѣ учителей русскаго языка въ 1903 г. и о съѣздѣ воспитателей кадетскихъ корпусовъ въ 1908 г., объ организаціи для военныхъ училищъ чтеній по вопросамъ государственнаго и общественнаго строя въ 1906 г. и о чудесномъ циркулярномъ письмѣ Великаго Князя о подъемѣ патріотическаго воспитанія; онъ упомянетъ о пересмотрѣ пищевого режима въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ, и о многихъ другихъ мѣропріятіяхъ воспитательнаго, административнаго и хозяйственнаго характера, на которыхъ я, по самой задачѣ моихъ воспоминаній, останавливаться не могу. Я говорю здѣсь только о тѣхъ отзвукахъ большой работы, къ которымъ мы могли ближе прислушиваться во время нашихъ поѣздокъ.

Безъ сомнѣнія, мы говорили обо всемъ, что дѣлалось и предполагалось сдѣлать по военно-учебному вѣдомству. Но, чтобы передать всѣ эти бесѣды, мнѣ нужно было бы имѣть въ рукахъ стенографическую ихъ передачу. Я и то боюсь, что можетъ быть мѣстами впадаю въ неточности. Я забочусь объ общей характеристикѣ большой работы, предпринятой главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и мнѣ кажется, что въ немногихъ помѣщенныхъ здѣсь вопросахъ эта характеристика сказывается довольно ясно. Упомяну здѣсь еще объ одномъ только предметѣ нашихъ бесѣдъ, имѣющемъ первостепенное значеніе—воспитаніи.

Будучи человѣкомъ искренно и глубоко религіознымъ, Великій Князь прилагалъ много усилій для подъема религіозно-нравственнаго воспитанія.

Всегда во всѣхъ своихъ бесѣдахъ съ воспитанниками, бесѣдахъ, которыя уже по одной своей формѣ ласковаго, душевнаго разговора, неотразимо на нихъ дѣйствовали, онъ съ особенной серьезностью затрогивалъ вопросы нравственности и религіи.

На урокахъ Закона Божія онъ старался дать себѣ отчетъ, имѣютъ ли эти уроки значеніе для пробужденія въ кадетахъ твердой вѣры. Способствуютъ ли они должному уразумѣнію священнаго писанія и догматовъ православной вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда провѣрялъ, знакомы ли кадеты съ содержаніемъ книгъ священнаго писанія и охотно ли ихъ читаютъ.

Присутствуя въ корпусахъ и училищахъ на богослуженіяхъ, онъ самъ являлся образцомъ благоговѣйнаго и молитвеннаго отношенія къ совершаемымъ обрядамъ и настойчиво слѣдилъ, чтобы молитвословіе во время службы и молитвы утреннія, вечернія и въ другое время дня читались кадетами безъ торопливости, внятно и съ благоговѣніемъ.

— „Меня удивляетъ,—говаривалъ онъ не разъ,—совершенное равнодушіе кадетъ къ урокамъ Закона Божія. Эти уроки не даютъ имъ ни свѣдѣній, ни религіозно-нравственнаго настроенія. Въ церкви кадеты стоятъ вообще недурно, но молятся изъ нихъ весьма немногіе. Вечеромъ, въ маленькихъ ротахъ, я вижу, послѣ общей молитвы, молящихся передъ ротнымъ образомъ, передъ отходомъ ко сну; но въ старшихъ ротахъ это уже явленіе очень рѣдкое. Какой же смыслъ преподаванія Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ? Въ чемъ выражается воспитательная дѣятельность законоучителя?“

Мы высказывали наше предположеніе, что это происходитъ отъ самой постановки Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ. Законъ Божій преподается не отъ сердца, а отъ разума. Въ катехизисѣ дѣлаются такіе выводы, которые не могутъ имѣть никакого значенія, если ученикъ не имѣетъ искренной вѣры; и притомъ этотъ катехизисъ кадеты изучаютъ въ такомъ возрастѣ, когда онъ не доступенъ еще для ихъ пониманія. На священника кадеты смотрятъ, прежде всего, какъ на учителя скучнаго и непонятнаго для нихъ предмета, а потомъ уже,— и это не всегда,—какъ на наставника въ вѣрѣ и въ христіанской нравственности. Поэтому кадеты не только не воспитываются въ вѣрѣ, но теряютъ даже всякій интересъ къ священному писанію.

— „Всякій разъ когда я бываю въ корпусѣ на богослуженіи,— докладывалъ я Великому Князю, — я спрашиваю послѣ службы у нѣсколькихъ кадетъ старшей роты, отъ какого евангелиста и какое евангеліе читалось во время службы. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что не всегда даже одинъ кадетъ изъ десяти могъ отвѣтить на такой вопросъ...“

Озабоченный этимъ предметомъ, августѣйшій главный начальникъ учредилъ комиссію, при участіи законоучителей всѣхъ петроградскихъ военно-учебныхъ заведеній, для разсмотрѣнія вопроса о преподаваніи Закона Божія и очень интересовался работами этой комиссіи.

Убѣдившись вмѣстѣ съ тѣмъ, что кадеты, даже заботливо воспитанные въ религіозномъ отношеніи, мало знакомы со священнымъ писаніемъ, и что этому знакомству не способствуетъ проходимый въ корпусахъ курсъ Закона Божія, онъ особымъ приказомъ выразилъ желаніе, чтобы въ кадетскихъ корпусахъ ежедневно читалось евангеліе, предоставляя директорамъ и законоучителямъ организацію этого дѣла, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ.

— „Вѣдь вы ежедневно моетесь и заботитесь о своей внѣшней опрятности,—говорилъ онъ собравшимся вокругъ него кадетамъ,—тѣмъ болѣе вамъ надо заботиться о чистотѣ вашей души: ежедневно читайте евангеліе и благоговѣйно проникайтесь его ученіемъ...“

Находились педагоги, говорившіе, что такое принудительное чтеніе не воспитаетъ любви къ евангелію, а что для маленькихъ кадетъ рано еще читать евангеліе, т. к. они его не могутъ понять.

Но казалось бы, сами же эти господа должны бы были помнить, что все воспитаніе основано на привитіи добрыхъ привычекъ, и что нѣтъ такого возраста для человѣка, когда слышаніе слова Божія было бы для него излишнимъ.

IV.

Впечатлѣнія и итоги.

Вчера закончился осмотръ кадетскаго корпуса или военнаго училища. Великій Князь пробылъ въ городѣ дня два или три; сегодня мы ѣдемъ дальше и обмѣниваемся впечатлѣніями.

Изъ моего перваго очерка въ 1900 г. можно уже составить себѣ представленіе о характерѣ смотровъ, производимыхъ Вели-

кимъ Княземъ. Здѣсь я долженъ однако еще разъ на этомъ остановиться. Смотры Великаго Князя нельзя ни въ какомъ отношеніи ставить въ параллель со смотрами, какъ они обыкновенно дѣлаются. У него была драгоцѣннѣйшая способность быть очень представительнымъ и формальнымъ тамъ, гдѣ это нужно по самой сущности дѣла, и отрѣшаться отъ этой формальности, когда она не требуется ни для поддержанія достоинства начальника, ни для внушительности смотра.

За всю долголѣтнюю мою службу я почти не встрѣчалъ этой способности у начальства, производящаго смотры. Отдавъ долгъ формальной сторонѣ дѣла, Великій Князь становился доступнымъ, ласковымъ и сердечнымъ человѣкомъ для всего личнаго состава осматриваемаго имъ заведенія, отъ самаго стараго до самаго малаго. Я говорилъ уже, какъ принимали это кадеты и юнкера, и понятно, что онъ выносилъ изъ осмотра заведеній такъ много, какъ никогда не выносили его предшественники—главные начальники. Побывавъ въ заведеніи одинъ разъ, онъ знакомился съ нимъ не только съ той внѣшней стороны, которая доступна многимъ, но и съ той внутренней, которая открывается для очень немногихъ. Онъ познавалъ душу заведенія. Посѣщая заведеніе вторично, онъ входилъ въ него какъ въ знакомую уже для него среду, и ему оставалось только слѣдить, какъ ростутъ и мужаютъ его питомцы, и какъ это отражается на внутреннемъ складѣ заведенія.

Уѣзжая изъ заведеній, онъ уносилъ съ собою несравненно больше впечатлѣній, чѣмъ мы, его спутники, тоже принимавшіе участіе въ осмотрѣ. Бывало, докладываешь ему: — „вчера, въ такой-то ротѣ, я читалъ въ журналѣ дежурствъ...“ Оказывалось всегда, что Великій Князь знаетъ и этотъ и другіе случаи, но не по журналу дежурствъ, а отъ самихъ кадетъ. И что онъ даже серьезно бесѣдовалъ съ ними по поводу этихъ случаевъ.

До какой степени близко Великій Князь знакомился съ составомъ кадетъ, можно видѣть изъ одного совсѣмъ невѣроятнаго случая. Какъ-то на воспитательскихъ курсахъ, слушателямъ было предложено для упражненія написать характеристику вымышленнаго или знакомаго имъ воспитанника, выдѣляющагося изъ общей среды своими нравственными особенностями. Эти характеристики были представлены Великому Князю. Ознакомившись съ ними, онъ съ удивленіемъ останавливается на одной изъ нихъ. Въ ней изображенъ знакомый ему мальчикъ, онъ въ этомъ не ошибается. Но этотъ мальчикъ находится въ

такомъ-то корпусѣ, а характеристика написана воспитателемъ другого корпуса.

Однако Великій Князь хорошо знаетъ и воспитательскій составъ кадетскихъ корпусовъ. Онъ тотчасъ же припоминаетъ, что авторъ этой характеристики года два тому назадъ былъ переведенъ на теперешнее мѣсто своей службы какъ разъ изъ того корпуса, въ которомъ находится описанный имъ мальчикъ. Справились у воспитателя, и тотъ назвалъ именно того мальчика, котораго узналъ Великій Князь въ его описаніи.

Если принять въ соображеніе, что всѣхъ кадетъ, состоявшихъ въ то время въ вѣдѣніи Главнаго Начальника, было около десяти тысячъ, а въ томъ корпусѣ, въ которомъ находился кадетъ, признанный Великимъ Княземъ по его характеристикѣ, ихъ было болѣе четырехъ сотъ, то такой случай, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, представится конечно выходящимъ изъ ряда вонъ. Но у Великаго Князя случаи, подобные разсказанному, бывали не разъ. Люди, служившіе подъ его начальствомъ, хорошо это помнятъ.

Въ смотрахъ Великаго Князя была и еще одна особенность. Вынося такъ много впечатлѣній, онъ всегда придавалъ гораздо больше значенія впечатлѣніямъ благопріятнымъ, утѣшительнымъ, свидѣтельствующимъ о правильной работѣ въ заведеніи осмотрѣнномъ, чѣмъ впечатлѣніямъ непріятнаго характера, обнаруживающимъ слабыя стороны заведенія.

Все то хорошее, что онъ наблюдалъ въ заведеніи, онъ считалъ явленіемъ постояннымъ, неотъемлемымъ отъ заведенія и составляющимъ его главную характерную черту.

Если ему приходилось видѣть слабыя стороны заведенія, неудовлетворительную постановку того или другого дѣла, онъ склоненъ былъ считать это явленіемъ временнымъ, исправимымъ при доброй волѣ начальства заведенія. А въ этой доброй волѣ онъ не сомнѣвался.

Какъ это не похоже на обыкновенные смотры. Никогда Великому Князю и въ голову не могло придти не только распечь сгоряча человѣка, отбывающаго смотръ, но даже просто обратиться къ нему съ немотивирсваннымъ выраженіемъ неудовольствія. И онъ достигалъ этимъ гораздо большихъ результатовъ, чѣмъ подозрительностью и горячностью. Въ его управленіи всѣ недочеты дѣйствительно были явленіями временными, такъ какъ всѣ работали съ готовностью, ободряемые и поощряемые личнымъ примѣромъ и благороднымъ довѣріемъ своего главнаго начальника.

Это благожелательное отношеніе главнаго начальника ко всему составу подвѣдомственныхъ ему чиновъ и увѣренность, что добрые результаты могутъ быть достигнуты только спокойнымъ выясненіемъ требованій, были особенно замѣтны для насъ, его спутниковъ. Провѣряя свои впечатлѣнія, онъ вспоминалъ прежде всего то, что онъ нашелъ хорошаго въ заведеніи.

Въ такія минуты онъ не хотѣлъ слышать ничего клонящагося къ осужденію.

— „Пожалуйста, приберегите вашу ложку дегтю и не портите намъ нашей бочки меду,—обращался онъ ко мнѣ.—Я вѣдь знаю, у васъ всякій человѣкъ—хорошій человѣкъ, только у всякаго изъ нихъ есть непремѣнно и что-нибудь дурное...“

Великій Князь высказывалъ, разумѣется, во время своихъ осмотровъ, всѣ свои впечатлѣнія и дурныя и хорошія, и дѣлалъ обстоятельныя указанія на тѣ стороны дѣла, которыя требуютъ улучшенія. Но въ приказахъ по военно-учебнымъ заведеніямъ онъ никогда не объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе такихъ слабыхъ сторонъ или упущеній, которыя могли бы выставить заведеніе въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Иногда въ разговорахъ съ нами, онъ со своимъ добрымъ, заразительнымъ юморомъ, вспоминалъ замѣченныя имъ неловкости или странности.

Однажды, припоминая урокъ русскаго языка въ маленькомъ классѣ, онъ говорилъ: — „какъ вамъ понравился Воздушный Корабль? не правда ли, тутъ было все, и географія, и исторія, и физика, и химія, и метеорологія, и кораблестроеніе, и не было только Воздушнаго Корабля... А вѣдь какой почтенный и знающій учитель... Не знаю, онъ ли тому причиной или въ этомъ грѣшатъ наши требованія, но у него изъ-за деревьевъ не видно лѣса...“

Въ Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній есть документальныя свѣдѣнія о плодотворности этихъ осмотровъ. Приказы и распоряженія Великаго Князя могутъ служить поучительнымъ матеріаломъ для всякаго человѣка, стоящаго во главѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Директоры корпусовъ и начальники училищъ того времени съ теплымъ чувствомъ вспоминаютъ эти пріѣзды Великаго Князя и могутъ засвидѣтельствовать, что своими посѣщеніями заведеній и бесѣдами съ молодежью онъ вносилъ успокоительное и радостное настроеніе, много облегчавшее постановку воспитательнаго дѣла. Ро-

дители воспитанниковъ безъ сомнѣнія и до сихъ поръ еще съ умиленіемъ вспоминаютъ доброту Великаго Князя къ ихъ дѣтямъ. . . . .

Теперь это время для насъ прошлое и невозвратно прошлое, но память о Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ никогда не умретъ среди Русскихъ людей. Въ Высочайшемъ манифестѣ о Его кончинѣ съ высоты престола засвидѣтельствовано, что онъ „положилъ много труда и заботъ по высшему руководству дѣломъ военнаго образованія юношества, давшаго столь доблестный составъ офицеровъ, геройскіе подвиги коихъ въ настоящую войну навсегда запечатлѣются въ исторіи русской арміи". Преклонимся же низко передъ свѣтлой памятью Великаго Князя, положившаго такъ много великой любви и просвѣщеннаго труда на дѣло военнаго воспитанія русскаго юношества.

А. Д. Бутовскій.

